

е. цѣль самодержавія состоитъ въ томъ, чтобы всѣхъ сдѣлать совершеннолѣтними (стр. 376 Фил. Об. Д.) Въ самодержавномъ государствѣ, переходящемъ отъ *обязательной* повинности, службы, къ *добровольному* исполненію долга, борьба всѣхъ родовъ и видовъ замѣняется общимъ, отеческимъ дѣломъ, дѣломъ всѣхъ сыновъ человеческихъ, обращающимъ ихъ въ братьевъ такимъ дѣломъ, предъ которымъ все, возбуждающее нынѣ вражду, споры, тяжбы, становится мелкимъ и ничтожнымъ. И потому самодержавіе есть правило, законъ, путь къ совершеннолѣтію; конституціонализмъ же, недопускающій возможности совершеннолѣтія, ограничивающійся лишь идеалами юридическаго (правового) и экономическаго свойства, ничего высокаго въ себѣ не заключающими и свойственными несовершеннолѣтнимъ, — конституціонализмъ, закрѣпляющій несовершеннолѣтіе, узаконяющій раздѣленіе на партіи, борьбу, есть лишь уклоненіе отъ самодержавія, т. е. отъ этого поистиннѣ царственнаго пути, исключеніе изъ общаго правила" (стр. 377-я Филос. Общ. Дѣла).

„Хотя самодержавіе въ первоначальномъ смыслѣ (т. е. въ смыслѣ обращенія смертоносной силы въ средство оживленія) и утратилось, но въ смыслѣ духовномъ, особенно въ смыслѣ единства всего рода человеческого оно еще сохранилось. Выраженіемъ единства рода человеческого было императорство. Согласно съ историческимъ значеніемъ императорскаго сана. — всѣ императоры должны составлять *одною*. Только въ наше время, утратившее смыслъ исторической жизни, и возможно говорить о многихъ императорахъ *не какъ объ одномъ*. Для насъ уже не понятно значеніе этого *мы* въ устахъ Императора Востока, или Россіи — 3-го Рима; а между тѣмъ происхожденіе его, очевидно, къ тому времени, когда сама необходимость заставляла имѣть нѣсколькихъ императоровъ, не нарушая однако единства, которое составляло существенное свойство императорской власти, такъ какъ съ этою властью былъ связанъ миръ всего тогдашняго міра. Это единство при множествѣ, конечно, фикція и даже нѣчто мистическое, какъ находятъ нѣкоторые; но въ настоящее время эта фикція должна и можетъ стать дѣйствительностью, и въ ней не будетъ уже ничего ни фиктивнаго, ни мистическаго, если будетъ признано, что противъ усиливающихся неурожаевъ необходимо принять радикальную мѣру, придавъ войскамъ *всѣхъ государствъ* значеніе естественнаго испытательной силы\*. Въ виду такого значенія войска и воинская повинность можетъ быть расширена до дѣйствительной *всеобщности*, такъ какъ эта повинность будетъ служить селу въ дѣлѣ для всѣхъ необходимымъ, въ дѣлѣ самой первой необходимости, находящейся нынѣ въ полной зависимости отъ случайности, отъ каприза погоды. И это лишь верхній шагъ въ осуществленіи того, что заключается въ многосодержательномъ понятіи о самодержавіи патриархальномъ, т. е. въ понятіи о самодержавіи въ первоначальномъ его смыслѣ, когда къ духовному присоединилось свѣтское, или не отдѣлялось отъ него, причемъ знаніе было бы средствомъ осуществленія чаемаго, т. е. отъ него, и т. д. (Филос. Общ. Дѣла, стр. 376—377).

\*) Какъ объ этомъ говорится на стр. 656—676 «Филос. Общ. Дѣла» въ статьѣ «Разоруженіе. Какъ орудіе разрушенія обратить въ орудіе спасенія», а также и въ слѣдующей за ней; и на стр. 1—41 той-же книги въ статьѣ «Обращеніе къ ученымъ духовнымъ и военнымъ по поводу голода 1891 года и опыта вырванія зерна посредствомъ взрывчатыхъ веществъ».